

Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1885 - 1921)

15 сентября 1921 года был расстрелян барон Унгерн. Убежденный монархист, он не мыслил для России никакого другого государственного устройства. Барон с самого начала революции уже имел свой план создания Срединного Царства, объединяющего все кочевые народы монгольского корня, «по своей организации неподверженные большевизму»

«Кровавый барон» Р.Ф.Унгерн: мифы и факты.

На сегодняшний день литература о жизни и деятельности Р.Ф. фон Унгерна-Штернберга достаточно велика. На протяжении советского периода в трудах о бароне сложились определенные тенденции, связанные с мифологизацией его образа. Несмотря на то, что в современной российской литературе оценка деятельности Р.Ф. Унгерна претерпела существенные изменения, штампы, сложившиеся в советское время, все еще продолжают существовать. Одним из первых исследований о борьбе Р.Ф. Унгерна против советской власти написал А.Н.Кислов. Впервые его небольшой труд «Разгром Унгерна» был издан в журнале «Война и революция» в 1931 году. Автор ставил своей целью обзор военных действий, поэтому он мало останавливался на зверствах «кровавого барона». При этом он единственный обвинял Р.Ф. Унгерна в сожжении села Кулинга со всеми жителями, включая женщин и детей, при входе Азиатской конной дивизии в Монголию. [1] В 1964 году труд А.Н.Кислова был издан уже в виде монографии под тем же названием. Автор был более красноречив, описывая деяния барона, чей образ уже прочно сложился в советской литературе: «Озверелые бандиты грабили и убивали мирных советских граждан, расстреливали коммунистов и советских работников, не щадя ни женщин, ни детей... Унгерн захватил с собой около ста заложников, угрожая жестокой расправой в случае какого-либо противодействия со стороны жителей», — писал А.Н. Кислицын без всякой ссылки на источник информации. [2]

Следующий исследователь борьбы с Р.Ф. Унгерном оказался еще более суров. Монография Б. Цибилова была написана в 1947 году, в то время советская литература была переполнена обличением зверств фашизма. С точки зрения автора, Р.Ф.Унгерн был предтечей фашистской идеологии и, соответственно, просто обязан был быть кровавым палачом. К чести Б. Цибилова надо заметить, что он не фальсифицировал данные, черпая информацию из прессы 20-х годов. Например, он заявлял, что по приказу Р.Ф. Унгерна в Урге было убито свыше 400 человек. Автор очень подробно описывал расправы над евреями, приводя конкретные фамилии. Б.Цибилов красочно рисовал картины того, как солдаты Азиатской дивизии, беря за ноги, разрывали детей на две половинки, а сам Р.Ф. Унгерн руководил медленным сожжением на костре пойманного на дороге случайного путника с целью выпытать у него, где хранятся деньги. [3]

В дальнейшем советские авторы уже не прибегали к таким художественным приемам, чтобы живописать зверства барона, но образ «кровавого» закрепился за Р.Ф. Унгерном очень прочно. В 1957 году Г. Кургунов и И. Сорокинов писали в своей книге, посвященной монгольской революции: «Унгерн — утонченный садист, для него наслаждение не только в смерти его жертвы, а в нестерпимых муках этой жертвы, причиненных различными пытками. Тут и сожжение живого на костре, вырывание крючьями кусков мяса из спины, прижигание пяток каленым железом и т.д.». [4] В монографии «Крушение антисоветского подполья в СССР» Д.Л.Голиков объявлял Р.Ф.Унгерна «изувером-черносотенцем», указывая, что барон оставлял за собой пепелища сожженных деревень и трупы, все имущество «непокорных» он раздавал участникам своей банды и кормился за счет грабежа. Основываясь на газетных публикациях времен Гражданской войны, автор заявлял, что Р.Ф. Унгерн сжигал громадные села вместе с женщинами и детьми, а также сотнями расстреливал крестьян. [5] Подобные тенденции сохранились в литературе и 90-х годов. Автор монографии «Политическая история Монголии» С.К.Рощин писал, что Р.Ф.Унгерн был «тиран, маньяк, мистик, человек жестокий, замкнутый, пьяница (в молодости)». [6] При этом автор не отказывалось барону и в некоторых положительных качествах — аскетизм, бешеная энергия, храбрость.

В 90-е годы у исследователей появился доступ к воспоминаниям современников Р.Ф.Унгерна, а самое

главное, на них можно было свободно ссылаться в публикациях. Неожиданно выяснилось, что соратники барона были не менее строги к его деятельности, чем советская литература.

Впервые адекватное освещение жизнь и деятельность Р.Ф.Унгерна получили в беллетризированной книге Леонида Юзефовича. К сожалению, подход автора к воспоминаниям современников барона был практически лишен критики. В произведении А.Юзефовича Р.Ф.Унгерн был запечатлен точно таким, каким он был отражен в воспоминаниях соратников. При этом оценка деятельности барона была в целом положительная. [7] Автор монографии «Барон Унгерн фон Штернберг» Е.А.Белов был осторожен со свидетельствами соратников барона. Но ему изменила объективность в описании действий Азиатской конной дивизии во время похода в Россию. На основании показаний Р.Ф.Унгерна на допросах автор делает вывод о том, что «на временно захваченной территории Сибири Унгерн вел себя как жестокий завоеватель, убивал целые семьи коммунистов и партизан, не щадя женщин, стариков и детей». [8] В действительности, расстрел по приказу Р.Ф.Унгерна трех семей из десятков поселков, занятых дивизией, являлся исключением (здесь барон руководствовался какими-то неизвестными нам, но весьма конкретными причинами). Кроме того, Е.А.Белов в описании злодеяний барона на советской территории ссылался на самого недобросовестного мемуариста Н.М.Рибо (Резухина). Отсюда и описания массового грабежа мирного населения, изнасилования женщин, пыток и даже сожжения на костре старика бурята. Все это не подтверждается другими источниками и потому достоверным считаться не может.

С.Л.Кузьмин, редактор сборников документов и автор вступительной статьи к ним, сознательно дистанцировался от мемуаристов, уделяя основное внимание военной и политической деятельности Р.Ф.Унгерна. [9]

Несмотря на большое количество публикаций по данной теме, личность и некоторые аспекты деятельности Р.Ф.Унгерна так и остаются в тени. До сих пор не хватало информации, чтобы подтвердить или опровергнуть традиционный штамп «кровавого барона», распространившийся как в советской литературе, так и в воспоминаниях современников Р.Ф.Унгерна. Положение изменило издание документов и мемуаров, осуществленное под редакцией С.Л.Кузьмина в 2004 году. Теперь появилась возможность осветить и эту сферу деятельности Р.Ф.Унгерна, отделить факты от мифов. Сколько жертв было у «кровавого барона», кто именно пал от его руки, чем руководствовался Р.Ф.Унгерн, определяя наказания врагам, собственным подчиненным и «случайным людям», и, наконец, насколько его деяния являлись исключительными на общем фоне Гражданской войны – на эти вопросы позволит дать ответ данный материал.

Опубликованные С.Л.Кузьминым материалы делятся на два блока 1) документы; 2) мемуары. В свою очередь, в собрании документов выделяются материалы следствия и суда над Р.Ф.Унгерном. Знакомство с этими источниками оставляет странное впечатление. Все три группы документов изображают нам свой собственный образ барона, не схожий с остальными.

Биографические материалы, документы о деятельности Р.Ф.Унгерна во главе Азиатской конной дивизии и его переписка рисуют барона как целеустремленного человека, стратега, талантливого командира и организатора. От вождей белого движения А.В.Колчака, А.И.Деникина, Н.Н.Юденича Р.Ф.Унгерн отличался тем, что был убежденным монархистом и не мыслил для России никакого другого государственного устройства. Главнокомандующие белых армий стояли на позициях непредрежденчества, считая, что армия не должна участвовать в политике. Барон с самого начала революции уже имел свой план создания Срединного Царства, объединяющего все кочевые народы монгольского корня, «по своей организации неподверженные большевизму». [10] Эти кочевые народы должны были в дальнейшем освободить Россию, а затем и Европу от «революционной заразы».

Воплощать свой план в жизнь Унгерн начал еще на Кавказском фронте. В апреле 1917 года им был сформирован отряд из местных жителей айсаров, блестяще зарекомендовавший себя во время боевых действий. [11] Его инициативу поддержал есаул Г.М.Семенов, писавший А.Ф.Керенскому по поводу национальных формирований и 8 июня 1917 года выехавший в Петроград для проведения в жизнь этих планов. Деятельность Р.Ф.Унгерна и Г.М.Семенова была продолжена после Октябрьской революции уже на Дальнем Востоке, где они вступили в борьбу с советской властью.

Проведя почти всю Гражданскую войну на важнейшем железнодорожном пункте связи Дальнего Востока с Китаем станции Даурия, Р.Ф.Унгерн продолжал трудиться над воплощением своих замыслов о реставрации монархии во всемирном масштабе. Главной надеждой в этом отношении стал Китай, где также продолжалась гражданская война между республиканцами и монархистами. Следы глобальных замыслов видны уже в письме Р.Ф.Унгерна к Г.М.Семенову 27 июня 1918 года, где он предлагал, чтобы китайцы, находящиеся в их отрядах, воевали с большевиками, а маньчжуры — с китайцами (видимо, республиканцами), Унгерн считал,

что это будет выгодно и для Японии. [12] 11 ноября 1918 года в письме П.П.Малиновскому Р.Ф.Унгерн интересовался подготовкой мирной конференции в Филадельфии и находил нужным послать туда представителей от Тибета и Бурятии. Другая идея, которую Р.Ф.Унгерн подбрасывал своему корреспонденту, была об организации женского общества в Харбине и налаживании его связей с Европой. Последняя строчка письма гласила: «Политические дела занимают меня целиком». [13]

В начале 1918 года в Маньчжурии Г.М.Семенов собрал мирную конференцию, где присутствовали представители хараченов и баргут. Из хараченов в составе белых войск была создана бригада. [14] Вторая конференция прошла в феврале 1919 года в Даурии. Она носила общемонгольский характер и имела целью создание независимого Монгольского государства. На конференции было образовано временное правительство «Великой Монголии», главнокомандование над войсками вручено Г.М.Семенову. [15] В ходе Гражданской войны Р.Ф.Унгерн начал готовить своих офицеров для работы с монголами. Как видно из приказа по Иногородческой дивизии от 16 января 1918 года (вероятно ошибка, в действительности 1919 год), ее командир уделял особое внимание обучению личного состава монгольскому языку. [16] С января 1919 года Р.Ф.Унгерн был назначен Г.М.Семеновым ответственным за работу золотых приисков, находившихся под контролем атамана. [17]

Очевидно, что потенциальными противниками Р.Ф.Унгерна и Г.М.Семенова были не только большевики, но и колчаковцы. В случае успешных действий Восточного фронта и захвата Москвы, к власти пришли бы республикански настроенные генералы из окружения А.В.Колчака. К продолжению войны с революцией в любом лице Р.Ф.Унгерн готовился, формируя отряды из бурят, монголов и китайцев.

По поводу ухода частей Азиатской конной дивизии в Монголию полной ясности нет. Это был период краха белого движения на Дальнем Востоке. Его руководители не были уверены в завтрашнем дне и начали искать пути отхода. В своей монографии Е.А.Белов приводит сведения о том, что в этот период Р.Ф.Унгерн просил австрийское правительство дать ему визу на въезд в страну, но разрешения не получил. [18] Решение барона ехать в Австрию могло быть продиктовано и другими мотивами. Е.А.Белов приводит проект международного договора, составленного в штабе Г.М.Семенова. В нем предусматривался ввод в Россию войск Великобритании, Франции, Америки и Японии с целью реставрации монархии и с последующими аннексиями территории. [19] Возможно, в Европе Р.Ф.Унгерну предназначалась роль дипломата, которую он уже играл с февраля по сентябрь 1919 года во время своей поездки в Китай. [20]

С.Л.Кузьмин считал, что по приказу Г.М.Семенова Р.Ф.Унгерн должен был провести партизанский рейд через Монголию с целью перерезать железную дорогу, а затем поднять восстание против большевиков в районе Иркутска – Нижнеудинска — Красноярска. [21] Г.М.Семенов писал, что у него существовал единый план на случай поражения белого движения на Дальнем Востоке. В этом случае база белой армии должна была быть перенесена в Монголию. По словам Г.М.Семенова, соглашение об этом было достигнуто между представителями княжества Хамба, властями Монголии, Тибета и Синцзяна. В походе должны были принять участие отряды китайских монархистов генерала Чжан Куй-ю. Монголия должна была быть освобождена от китайских республиканских войск, после чего боевые действия планировалось перенести на территорию Китая. Операция по захвату Монголии готовилась в полной тайне. [22] Все изложенное Г.М.Семеновым вполне подтверждается дипломатическими усилиями, предпринятыми Р.Ф.Унгерном после занятия Урги.

Этому «Монгольскому» плану не суждено было воплотиться в жизнь в своем полном виде из-за отказа в поддержке Г.М.Семенову как японцев, так и китайских монархистов. Вместо того, что бы «отступать на Ургу», сам атаман бежал в Китай, а большая часть его войск оказалось в Приморье. Падение Читы произошло гораздо раньше, чем ожидал Г.М.Семенов, поэтому партизанский рейд Азиатской конной дивизии превратился в самостоятельную операцию по созданию в Монголии новой базы белого движения.

После взятия Урги Р.Ф.Унгерн активизировал свою дипломатическую деятельность. К китайским и монгольским князьям и генералам им были разосланы эмиссары. Барон разослал письма многим видным деятелям Монголии и Китая. Ламе Югоцзур-хутухте, назначенному Богдо-гегеном командующим войсками восточной окраины Халхи, барон писал о том, что его дипломатическое содействие необходимо для договора с главой монархистов Шэн Юнем, князьями Ару-Харачийн-ваном и Найман-ваном. Р.Ф.Унгерн в своем письме провозглашал соединение Тибета, Синцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Маньчжурии, Шаньдуна в единое Срединное государство. Барон предусматривал и возможность временного поражения в борьбе с революционерами: «Временные неудачи всегда возможны, поэтому, когда Вы соберете у себя достаточное количество войска, я мог бы, в случае неудачи, отступить с остатками халхасцев к Вам, где оправился бы и, соединившись с Вами, стал продолжать начатое святое дело под Вашим руководством». [23] План Р.Ф.Унгерна на объединение сил российской контрреволюции, монголов и монархистов Китая был рассчитан на длительный срок. Поход в 1921 году в Россию был лишь первым шагом по практической реализации этих

проектов. Измена собственных офицеров не дала барону возможности предпринять последующие шаги в этом направлении.

Многие современники считали поход Р.Ф.Унгерна в Забайкалье авантюрой. Но на этот вопрос может быть и иной взгляд. Исследовавший деятельность белой эмиграции В.Г.Бортневский отмечал, что 1921 год эмигранты начали в твердой уверенности в близости нового похода против большевиков. Эта надежда подкреплялась известиями о восстании в Кронштадте, массовыми крестьянскими выступлениями и волнениями рабочих, распрями в партийном руководстве. [24] Материалы сборника «Сибирская Вандея» показывают, что в 1920-21 годах Сибирь была охвачена антибольшевистскими восстаниями. Освобожденные от белых области уже испытали все «прелести» продразверстки. Во главе восстаний становились бывшие партизанские командиры. Было очевидно, что в 1921 году после сбора урожая борьба начнется с новой силой. Эту крестьянскую массу и хотел возглавить Р.Ф.Унгерн. Он не мог предвидеть, что политика советской власти изменится и произойдет переход к НЭПу.

Многие действия Р.Ф.Унгерна были рассчитаны как раз на крестьянские массы. В ходе восстаний в Сибири неоднократно выдвигался лозунг «За царя Михаила», [25] и Р.Ф.Унгерн поднял флаг с вензелем Михаила II (хотя династия Романовых совершенно не стыковалась с созданием Срединной империи). Распространенным лозунгом был «против жидов и комиссаров». [26] Немедленно антисемитом стал и Р.Ф.Унгерн. В войсках Г.М.Семенова была еврейская рота, агентами самого Р.Ф.Унгерна были братья Вольфовичи, но в Урге барон устроил показательный еврейский погром. В приказе № 15 он предписывал уничтожать евреев вместе с семьями. [27]

В случае успеха на российской территории Р.Ф.Унгерн не мог мечтать, подобно другим белым военачальникам, дойти до Москвы. Его задачей было создание Срединного государства, а лишь затем освобождение от революции Китая, России и Европы. В своем походе он должен был остановиться, например, на линии Урала. Освободить эту территорию от советской власти теоретически было возможно, но выдержать наступление пятимиллионной Красной армии нельзя. Р.Ф.Унгерн должен был опереться на помощь одного из великих государств. Скорее всего, им должна была стать Япония. Кому, как ни ее императору, было заботиться о восстановлении разрушенных престолов? В 1932 году в одной из частей Китая японцам удалось реставрировать монархию. На престол марионеточного государства Маньчжоу-Го был посажен представитель династии Цинь Пу И.

Последний по времени исследователь деятельности Р.Ф.Унгерна С.Л.Кузьмин считал, что одним из побудительных мотивов, заставивших барона совершить поход в Сибирь, стала неверная информация, сообщаемая перебежчиками. Они говорили о слабости советской власти и недовольстве населения. [28] Анализ документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета позволяет предположить, что Р.Ф.Унгерн был очень хорошо осведомлен о положении в ДВР.

После падения Омска крупнейший кооператив Сибири Центросоюз полностью переориентировался на работу с советскими учреждениями. Вскоре кооператив стал основным поставщиком мяса в ДВР и послушным орудием советской власти. В связи с действиями Р.Ф.Унгерна в Монголии предсбревком И.Н.Смирнов сообщал В.И.Ленину о том, что прикрытие работы советского Внешторга фирмой Центросоюза становится ненужным, а торговлю с Монголией возможно превратить в военную экспедицию: в Западной Монголии — на Дутова, в Восточной — на Унгерна. [29] Такая забота И.Н.Смирнова о торговле была совершенно не случайна. Занятие Р.Ф.Унгерном Монголии прервало подвоз продовольствия в ДВР, и там начался кризис. 26 февраля 1921 года представитель Реввоенсовета 5 армии сообщал предсбревкому И.Н.Смирнову о том, что в армии складывается катастрофическое положение с продовольствием и он вынужден вести продразверстку. [30] Сохранилась запись переговоров ответственных работников Министерства продовольствия и торговли ДВР о тяжелом продовольственном положении. 14 апреля 1921 года Товминпродторг Шейн сообщал, что острота продовольственного кризиса достигла небывалых размеров. За март и апрель население, питаемое государством, не получило ни фунта муки, не говоря уже о других продуктах. На этой почве возникло острое недовольство властью. Рабочие Амурской железной дороги организовали стачечный комитет, намереваясь остановить движение, то же самое произошло на Читинской железной дороге. [31] 17 марта 1921 года Главком ДВР Г.Х.Эйхе писал И.Н.Смирнову о том, что части, находящиеся в Забайкалье, получают только один хлеб по два фунта на человека. «Продовольственная политика в Буфере губительна для армии», — заявлял Главком. [32] 17 марта И.Н.Смирнов сообщал В.И.Ленину о том, что ДВР не может прокормить свою армию и превращается в паразита, высасывающего из Сибири все ресурсы. [33]

Продовольственный кризис в ДВР вызвал конфликт в командовании армией и в высшем партийном руководстве. В конце апреля 1921 года Политбюро в Москве приняло решение о замене главнокомандующего

ДВР Г.Х.Эйхе В.К.Блюхером, «так как армия близка к разложению». [34] В связи с принятым решением в среде коммунистов ДВР произошел раскол. По распоряжению Дальбюро Г.Х.Эйхе был подвергнут домашнему аресту. 30 апреля 1921 года И.Н.Смирнов по прямому проводу сообщал В.И.Ленину и Л.Д.Троцкому о том, что благодаря бездеятельности Г.Х.Эйхе армия разлагается, его авторитет окончательно упал. Г.Х.Эйхе внедрил во всех штабах семеновцев и каппелевцев, что парализует доверие военных масс к командованию. И.Н.Смирнов требовал сместить Дальбюро, отозвав его членов вместе с Г.Х.Эйхе в Москву. [35] В свою очередь, Г.Х.Эйхе телеграфировал Л.Д.Троцкому, что правительство Буфера игнорирует указания центра и идет по сепаратистскому пути, ярко проявляется «партизанское-интриганское течение» (о котором он неоднократно докладывал). Работа по реорганизации партизанских отрядов в регулярные части встретила яростное сопротивление в верхах партизанского командования, которое решилось на настоящий переворот в армии, как сообщал Г.Х.Эйхе. [36]

Весной 1921 года ДВР переживала серьезный кризис, вызванный, в том числе, и действиями Азиатской конной дивизии в Монголии. В свете всего вышеизложенного замысел Р.Ф.Унгерна имел вполне реальные очертания. Именно так его и оценивал РВС пятой армии в своем письме В.И.Ленину: «В случае успеха Унгерна, высшие монгольские круги, изменив ориентацию, сформируют с помощью Унгерна правительство автономной Монголии под фактическим протекторатом Японии. Мы будем поставлены перед фактом организации новой белогвардейской базы, открывающей фронт от Маньчжурии до Туркестана, отрезающей нас от всего Востока». [37] Еще пессимистичнее выглядело сообщение И.Н.Смирнова в ЦК РКП (б) 27 мая 1921 года. Он заявлял, что внутреннее положение ДВР хорошо известно противнику. Положение армии ДВР И.Н.Смирнов расценивал как безнадежное и предсказывал катастрофические последствия. [38]

Р.Ф.Унгерна судили дважды. Первый суд над бароном был совершен его соратниками. Офицеры Азиатской дивизии, составив заговор, решили убить своего командира. Еще многие годы после этих событий в своих мемуарах они продолжали осуждать барона за безжалостность и жестокость. Второй суд состоялся в Новониколаевске 15 сентября 1921 года. На этот раз Унгерна судили его враги коммунисты.

Защитник Унгерна на суде в Новониколаевске говорил: «Человек, во время долгой своей военной карьеры подвергавший себя возможности постоянно быть убитым, фаталист, который на свое пленение смотрит, как на судьбу, конечно лично не нуждается в защите. Но в защите нуждается, в сущности говоря, та историческая правда вокруг имени барона Унгерна, ... которая создалась». [39] Вот ради этой исторической правды исследователь часто должен принимать на себя функции следователя, что в деле Унгерна просто необходимо, так как его враги как в белом, так и в красном лагере были заинтересованы в искажении исторической действительности. Офицерам Азиатской конной дивизии нужно было оправдать свое восстание против командира во время боевых действий, а красные желали использовать «кровавого барона» в своей пропаганде.

На суде Р.Ф.Унгерна обвиняли в том, что при наступлении его войсками в отношении населения Советской России (в качестве системы покорения) применялись методы поголовного вырезания (вплоть до детей, которые, по заявлению Р.Ф.Унгерна, вырезались на тот случай, чтобы не оставлять «хвостов»). В отношении большевиков и «красных» Унгерном применялись все виды пыток: разламывание в мельницах, битье палками по монгольскому способу (мясо отставало от костей и в таком виде человек продолжал жить), сажание на лед, на раскаленную крышу и т.д.

Из этого делался вывод в том, что Унгерн виновен: «в зверских массовых убийствах и пытках а) крестьян и рабочих, б) коммунистов, в) советских работников, г) евреев, которые вырезались поголовно, д) вырезании детей, е) революционных китайцев и т.д. [40]

Посмотрим, насколько доказаны были эти обвинения.

На допросе по поводу применявшихся им мер наказания Унгерн говорил, что применял смертную казнь. На вопрос по поводу видов казни он отвечал: «вешали и расстреливали». На вопрос «А применяли ли Вы монгольский способ бить до тех пор, пока не отлетят куски мяса?» – Унгерн, по-видимому, с удивлением, отвечал: «Нет, тогда он помрет...». Унгерн признавал, что сажал людей на лед и крышу. [41] В допросе на суде Унгерна спрашивали о том, сколько палок он приказывал давать в виде наказания. Унгерн отвечал, что палками наказывали только солдат, били по телу и давали до 100 ударов. [42] В литературе можно встретить указание на то, что 200 ударов ставят человека на грани смерти. Такое высказывание вызывает серьезные сомнения. Например, распространенное в России в XVIII – первой половине XIX веков наказание шпицрутенами (те же палки) приводило к смерти в районе 4000 ударов, известны случаи, когда выживали и получившие 12000 ударов. [43] Сведений о том, чтобы от наказания палками в Азиатской конной дивизии кто-то умирал, не имеется.

По-видимому, следователи так и не смогли понять смысл наказаний, накладываемых бароном. Они считали, что посадение на лед и на крышу было разновидностью пытки, поэтому иногда добавлялось «на горячую крышу».

Во время допроса обвиняемого судьи интересовались, за что Р.Ф.Унгерн избил адъютанта во время Первой мировой войны. Его спрашивали: «Вы часто избивали людей?». «Мало, но бывало», — отвечал барон. [44]

Неоднократно Р.Ф.Унгерна спрашивали, приказывал ли он сжигать деревни. Он отвечал утвердительно, но при этом разъяснял, что «красные деревни» сжигались пустые, так как жители из них разбежались. На вопрос о том, известно ли ему, что трупы людей перемалывались в колесах, бросались в колодцы и вообще чинились всякие зверства, Р.Ф.Унгерн отвечал: «Это неправда». [45]

В протоколе допроса фигурируют ссылки на неопубликованные показания свидетелей расстрелов. В нем же Р.Ф.Унгерн признает, что сжег Ургу. [46]

Единственный конкретный вопрос о расстрелах семей был задан Р.Ф.Унгерну на допросе 27 августа в Троицкосавске. Барон признал, что 2 семьи (9 человек) в Новодмитровке он приказал расстрелять вместе с детьми. При этом он добавил, что в Капчарайской была расстреляна еще одна семья, о чем у следователей сведений не было.

Были расстреляны комсостав и политработники 232 полка и помначштаба 104 полка Каннабих. В Гусиноозерском дацане за грабеж обоза Р.Ф.Унгерн приказал выпороть всех лам. За присвоение денег им был повешен сотник Архипов, отдан приказ расстрелять Казаградни за то, что тот служит и ему, и красным. [47]

На допросах упоминалась лишь одна фамилия гражданского лица, казненного по приказу Р.Ф.Унгерна, это ветеринарный врач В.Г.Гей, старый член кооператива Центросоюз. Из ответа Р.Ф.Унгерна можно заключить, что его спрашивали о том, было ли вызвано убийство Гей меркантильными интересами. Он ответил, что металлических денег у Гей почти совсем не оказалось. Вопросы о судьбе семьи Гей не задавались.

В сводке, составленной следователями по допросам Р.Ф.Унгерна 1 и 2 сентября 1921 года, шла речь о том, что он сначала отрицал «избиение всего мужского населения поселка Мандал», а затем сознался, что это было сделано с его ведома. [48] В этом случае барон, видимо, пошел навстречу следователям и взял на себя обвинение. М.Г.Торновский упоминает поселок Мандал, но без всяких комментариев. По-другому обстояло дело с захватом населенного пункта Маймачэн. Командир чахар Найдэн-ван провел этот рейд самостоятельно, без разрешения барона. Захват Маймачэна сопровождался грабежом и возможно убийствами мирного населения. После этого инцидента чахары были отправлены бароном обратно в Ургу. [49]

Лишь однажды Р.Ф.Унгерну задали вопрос о том, знал ли он о насилиях над женщинами, творимыми Л.Сипайловым. Р.Ф.Унгерн отвечал, что такого не знает и считает эти слухи вздорными. [50] Во время допроса Р.Ф.Унгерн вспоминал, что была одна женщина, которую он приказал посадить на лед (провела ночь на льду замерзшей реки).

На вопросы о побуждениях его жестокости со своими подчиненными Р.Ф.Унгерн отвечал, что он бывал жесток только с плохими офицерами и солдатами и что такое обращение вызывалось требованиями дисциплины: «Я сторонник палочной дисциплины (Фридрих Великий, Павел I, Николай I)». Этой дисциплиной и держалось все войско. [51]

Как это ни странно, но следователи и судьи вовсе не приложили усилий, чтобы выяснить масштаб преступлений Р.Ф.Унгерна. В опубликованных материалах следствия и суда отсутствуют показания свидетелей, лишь несколько раз упоминается о том, что они были. То, что барон отрицал вменяемые ему в вину грабежи и казни мирных жителей, а также сожжение сел вместе с женщинами и детьми, суд во внимание не принял. Конкретными преступлениями, в которых барон признал себя виновным, были расстрел трех семей (2 семьи из 9-ти человек, численность третьей неизвестна), своих соратников Архипова, Казаградни и кооператора Гей. Число расстрелянных по приказу Р.Ф.Унгерна евреев, членов Центросоюза и пленных красноармейцев не устанавливалось. В материалах следствия указывалось, что пленных красноармейцев барон или отпускал, или принимал в ряды дивизии. Были случаи, когда он принимал на командные должности пленных коммунистов. [52]

Представляется, что коммунисты-следователи были поражены скромностью «жестокостей» барона. Все выявленные преступления волне укладывались в повседневную практику самих большевиков. Но Р.Ф.Унгерн на суде должен был соответствовать образу «кровавого барона» и служить пугалом для населения России.

Отсюда и попытки придать дисциплинарным наказаниям, практиковавшимся бароном, вид пыток (сажание на раскаленную крышу, битье палками до отделения мяса), и явное, ни на чем не основанное многократное преувеличение жертв деятельности Р.Ф.Унгерна.

Смертный приговор Р.Ф.Унгерну был вынесен в Кремле. 26 августа 1921 года В.И.Ленин передал по телефону Политбюро свое заключение по делу барона, заканчивающееся словами: «...устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять». На следующий день заключение В.И.Ленина в той же редакции было утверждено Политбюро. [53] Партийные вожди совершенно не приняли во внимание, что 17 января 1920 года Совет народных комиссаров принял постановление об отмене смертной казни в отношении врагов Советской власти. В этом отношении суд над Р.Ф.Унгерном находился в сильном контрасте с похожим делом, слушавшимся в начале марта 1921 года. В советских газетах тот процесс освещался под заглавием «Кровавый пир Семеновщины». К суду были привлечены четырнадцать участников расправы над заключенными в Красных казармах города Троицкосавска 8 и 9 января 1920 года. В те дни было убито до 1000 человек. Городская дума для того, чтобы остановить казни, была вынуждена просить о вводе в город китайских частей. Хотя в руки советских властей попали далеко не главные виновники событий в Красных казармах, но и некоторым из них вменялось в вину участие в убийствах: заключенных рубили шашками, кололи штыками, били прикладами и пытались травить ядом. Итогом этого шумного процесса стал приговор: семерых подсудимых — к двадцати годам общественных работ, одного — к десяти годам, одного — к десяти годам условно, трое были оправданы, а один выслан из ДВР. [54]

Суд соратников барона был строг, но можно предположить, что столь же мало объективен, как и большевистский. Многими исследователями замечено, что офицеры и чины Азиатской конной дивизии, оставившие свои воспоминания, имели непосредственное отношение к восстанию против Р.Ф.Унгерна. Они были заинтересованы в чернении барона, чтобы снять с себя ответственность за провал похода и убийство командира. Одновременно они пытались переложить на барона ответственность за все плохое, что было сделано дивизией во время похода в Монголию. Отсюда попытки представить Р.Ф.Унгерна прирожденно жестоким человеком, проявлявшим это качество во все периоды своей жизни.

Что же смогли предъявить Р.Ф.Унгерну его судьи из белого лагеря? Выясняется, что весьма немного (в том случае, если мы это примем на веру). Действительно, по приказу барона людей не только вешали и расстреливали, но даже сжигали заживо. Оправдать эти действия невозможно, даже ссылаясь на чрезвычайную обстановку того времени. Но можно попытаться понять, почему Р.Ф.Унгерн поступал так или иначе, чем он руководствовался в вынесении приговоров, какие цели ставил перед собой. Были ли правы современники барона, во главе с поэтом Арсением Несмеловым (А.И.Митропольским) утверждавшие, что Р.Ф.Унгерн своими жестокими поступками просто удовлетворял свою садистскую страсть?

Главным обвинителем Р.Ф.Унгерна суждено было стать М.Г.Торновскому. Он в течение многих лет собирал материал, чтобы написать «беспристрастную» картину деятельности Азиатской конной дивизии. Из десяти конкретных лиц, убитых по приказу Р.Ф.Унгерна и перечисленных М.Г.Торновским (Чернов, Гей, Архипов, Ли, Дроздов, Гордеев, Парняков, Энгельгарт, Ружанский, Лауренц), у других мемуаристов встречаются: у А.С.Макеева — 6; у Н.Н.Князева — 3; у М.Н.Рибо — 2; у Голубева — 1.

М.Г.Торновский (1882 — после 1955) — выпускник Иркутского военного училища. В Первую мировую войну был командиром батальона на Русско-германском фронте. Получил чин полковника и был откомандирован для работы в Иркутском военном училище. После революции уехал в Харбин, где вступил в антибольшевистскую организацию «Комитет защиты Родины и Учредительного собрания». Позднее в армии А.В.Колчака командовал 1-м Егерским полком. В 1919 году был командирован в ставку А.В.Колчака, но по дороге получил известие, что адмирал расстрелян, и остался в Урге. [55]

Во время осады города Р.Ф.Унгерном М.Г.Торновский был заключен китайцами в тюрьму, где провел около двух месяцев. 10 или 11 января 1921 года он был освобожден по приказу военного министра из Пекина. После объявления в Урге о приеме добровольцев в Азиатскую конную дивизию М.Г.Торновский явился в штаб Р.Ф.Унгерна и представился генералу Б.П.Резухину. Он был определен на должность начальника штаба. М.Г.Торновский вспоминал, что у него «не лежало сердце к семеновцам», так как их деятельность была ему хорошо известна. Служивец М.Г.Торновского поручик А.И.Орлов и сотник Патрин, перешедшие в 1919 году от Г.М.Семенова к А.В.Колчаку, вообще бежали из Урги, чтобы не служить у Р.Ф.Унгерна. [56] Вызывает удивление, что барон назначил на пост начальника штаба незнакомого ему офицера. В глазах Р.Ф.Унгерна М.Г.Торновского компрометировало даже то, что он был членом «Комитета защиты Родины и Учредительного собрания». Не говоря уже о том, что по не совсем понятным причинам командир полка покинул театр боевых действий и в течение года занимался предпринимательством в Урге, в то время, как Азиатская дивизия вела

непрерывные бои. Р.Ф.Унгерн вообще очень подозрительно относился к колчаковским обер-офицерам, предпочитая не принимать их на службу. Скорее всего, М.Г.Торновский был определен в штаб для более тщательной проверки. Через две недели работы, видимо, получив благоприятный отзыв Б.П.Резухина, Р.Ф.Унгерн назначил его в свой личный штаб. Сам М.Г.Торновский признавал, что в его распоряжении не было ни одного человека и он не получал заданий (кроме допроса полковника Лауренца).

Р.Ф.Унгерн был крайне холоден со своим новым подчиненным. 5 февраля М.Г.Торновский поступил на службу в Азиатскую конную дивизию, а уже 17 марта он был ранен и выбыл из строя на два месяца. До самого выхода дивизии из Урги М.Г.Торновский не имел доступа к информации и пользовался лишь слухами о происходившем. О многом говорит тот факт, что, выступая в поход, Р.Ф.Унгерн не оставил в Урге своего бывшего начальника штаба (еще ходившего на костылях и не могшего самостоятельно сесть на лошадь). 14 июня М.Г.Торновский догнал дивизию и получил назначение «походным интендантом», хотя интендантства в то время дивизия не имела. Таким образом, описание боевых действий Азиатской конной дивизии в своих воспоминаниях автор передавал также с чужих слов.

Уже вскоре появилось новое обстоятельство, очень настроившее М.Г.Торновского против командира дивизии. По словам мемуариста, на р.Селенгу прибыл капитан Безродный, привезший много документов, компрометировавших колчаковских офицеров. По поводу М.Г.Торновского Безродному удалось получить показания о том, что он преклоняется перед В.И.Лениным и сочувствует его деятельности. Донос был основан на действительно имевшем место разговоре, где М.Г.Торновский отмечал, что Ленин войдет навсегда в историю России. Только заступничество генерала Б.П.Резухина заставило Р.Ф.Унгерна воздержаться от расправы с мнимым большевиком. Хотя позднее мемуарист и получил задание пропагандировать в деревнях цели противобольшевистского похода, доверия Р.Ф.Унгерна он так и не заслужил. Это «вербовочно-агитационное бюро» за 15 дней работы завербовало всего трех добровольцев. В результате 10 августа по приказу Р.Ф.Унгерна М.Г.Торновский был определен простым всадником в первый полк, где, впрочем, был поставлен старшим над санитарями.

М.Г.Торновский заявлял, что он ничего не знал о заговоре. Полной неожиданностью для него было убийство Б.П.Резухина. Тем не менее, М.Г.Торновский был избран офицерами командиром бригады и увел ее в Китай. Р.Ф.Унгерна он больше не видел. Даже из этого краткого обзора видно, что у М.Г.Торновского не было причин любить Р.Ф.Унгерна. Служили они вместе очень недолго и их отношения не сложились. Учитывая все вышеизложенное, М.Г.Торновского трудно считать беспристрастным свидетелем. Большая часть его воспоминаний записана с чужих слов. Воспоминания соратников Р.Ф.Унгерна вообще во многих местах повторяют друг друга. Это и понятно, ни один из бойцов Азиатской конной дивизии не мог быть одновременно во всех местах действий ее подразделений. Оказывается, что свидетелей «зверств» барона практически нет. Все мемуаристы передают слухи или чужие рассказы. Чтобы быть до конца объективными, воспользуемся показаниями самого «беспристрастного» обвинителя М.Г.Торновского, компилировавшего воспоминания своих предшественников.

Самым впечатляющим из наказаний, примененных Р.Ф.Унгерном, стала расправа над прапорщиком Черновым. Первым казнь Чернова описал Голубев (1926 год), видимо, служивший в Азиатской конной дивизии (других сведений о нем нет). Согласно его рассказу, после провала первых наступлений на Ургу Азиатская дивизия отошла на Акшу, имея с собой большой обоз с ранеными. Там распоряжались бывший комендант Даурии полковник Лауренс и прапорщик Чернов. Договорившись между собой, они решили убить больных, у которых были деньги. Позднее, чтобы облегчить обоз, они отдали приказ отравить тяжелораненых, но фельдшер не выполнил этого указания. Когда Р.Ф.Унгерн получил сведения о злоупотреблениях в обозе и лазарете, он приказал арестовать прапорщика Чернова, пороть его, а затем сжечь живым на костре. [57] В дальнейшем сообщение о преступлении и казни Чернова повторялось с различными вариациями многими мемуаристами. Например, в 1934 году Н.Н.Князев писал, что Чернов был сожжен за убийство и ограбление нескольких раненых всадников, лежавших в лазарете. [58] Очевидно, что Р.Ф.Унгерн специально придал казни Чернова показательный, демонстративный характер, чтобы пресечь повторение подобных случаев в дальнейшем.

По свидетельству Голубева, подполковник Лауренс был соучастником преступления Чернова. М.Г.Торновский, который лично допрашивал Лауренца, подтверждал это сообщение. По его свидетельству, Лауренс обвинялся в том, что грабил монголов и хотел отравить раненых, находившихся в госпитале. [59] Можно предположить, что М.Г.Торновскому действительно было поручено допросить Лауренца о его служебной деятельности, но о действительном обвинении он ничего не знал. Подполковник Лауренс, как комендант Даурии, был ближайшим сотрудником Р.Ф.Унгерна. Он вместе с командиром Анненковского полка полковником Циркулинским был ранен во время второго штурма Урги. Затем Циркулинский и Лауренс получили особое задание и были

направлены в Китай.

О миссии подполковника Лауренца можно получить сведения из письма Р.Ф.Унгерну неизвестного войскового старшины 25 января 1920 года: «Подполковник Лауренц для точной разведки положения на местах выезжает в Хайлар, вероятно в Харбин...». [60] Сохранились два письма Лауренца к Р.Ф.Унгерну от 1 и 7 февраля, где он отчитывался о выполнении задания. 2 марта 1921 года Р.Ф.Унгерн писал Чжан Куню о том, чтобы он не верил полковнику Лауренцу, так как он бежал. [61]

Миссия Лауренца и Циркулинского оказалась рискованной. Китайцы начали аресты людей, связанных с бароном. Циркулинский был арестован при попытке провести транспорт с медикаментами в Ургу. Он сидел в китайской тюрьме и подвергался пыткам. Груз был конфискован. За проявленную верность Р.Ф.Унгерн простил Циркулинскому не только потерю груза, но и дезертирство офицерской сотни Анненковского полка, командиром которого Циркулинский был до ранения. Когда он вернулся назад, Р.Ф.Унгерн назначил его начальником обороны Урги. Видимо, Лауренц повел себя иначе и, выполняя задание барона, не проявил стойкости и верности белому делу, за что и был расстрелян.

Во время суда над Р.Ф.Унгерном упоминались несколько фамилий лиц, расстрелянных по приказу барона. Особым вниманием судей пользовался священник Ф.А.Парняков. На заданный ему на эту тему вопрос Р.Ф.Унгерн отвечал, что приказал убить священника потому, что тот был председателем какого-то комитета. [62] В дальнейшем большевики продолжали «разыгрывать карту» Ф.А.Парнякова: «Христианин, верующий в Бога, отправляет другого христианина – священника Парнякова на тот свет, так как он красный... Барон Унгерн — религиозный человек, я в этом нисколько не сомневаюсь, и это подчеркивает то, что религия никогда не спасала никого от самых величайших преступлений», – гневно восклицал обвинитель Е.Ярославский. [63]

Что же писали соратники барона о священнике, чья смерть была использована большевиками для разоблачения религии? Полковник В.Ю.Сокольников, начальник штаба отряда Кайгородова, писал, что Федор Парняков был большевиком и председателем одного из кооперативов Урги. [64] Член Войскового правления Енисейского казачьего войска К.И.Лаврентьев, во время осады Урги заключенный китайцами в тюрьму, утверждал, что о. Федор Парняков сыграл провокаторскую роль в судьбе русских заключенных. Он тормозил их перевод в теплое помещение. [65] Вполне конкретно описывал деятельность Ф.А.Парнякова проживавший с 1820 года в Урге М.Г.Торновский. Он называл священника «большевиствующим деятелем», одним из главных проводников коммунистических идей. Ф.А.Парнякова и его товарищей М.Г.Торновский обвинял в гибели около 100 русских людей, расстрелянных по их доносам в Урге и ее окрестностях. В другом месте мемуарист писал, что Ф.А.Парняков и его сыновья были причастны к террористической группе революционеров еще с 1905 года. Сам священник был «пьяница, похабник, несомненный атеист». [66] Очевидно, что приказ расстрелять священника Р.Ф.Унгерн отдал по просьбе части жителей Урги, считавших Ф.А.Парнякова большевиком и агентом китайцев.

Врач С.Б.Цыбыктаров возглавлял больницу при российском консульстве в Урге. После взятия Унгерном города он был арестован по обвинению в большевизме и расстрелян. По этому поводу М.Г.Торновский в своих воспоминаниях предполагал, что С.Б.Цыбыктаров был кем-то оклеветан или убит с целью реквизиции его имущества. [67] Из воспоминаний Д.П.Першина, который сопровождал С.Б.Цыбыктарова к барону после ареста, следует, что последний очень раскаивался, что произносил речи на собрании в Урге в присутствии конвойных казаков. [68] Сам Р.Ф.Унгерн говорил о С.Б.Цыбыктарове: «В Чите на собрании я слышал, как он распинался за коммунистов и за всякие свободы». [69]

После взятия Урги были расстреляны некоторые колчаковские обер-офицеры. М.Г.Торновский писал, что за панические слухи был расстрелян подполковник Дроздов. [70] По этому поводу А.С.Макеев вспоминал, что панические настроения Р.Ф.Унгерн ликвидировал, расстреляв подполковника Дроздова, распространявшего слухи. После этого больше никто не решился сомневаться в «устойчивости ургинской жизни». [71]

В Урге был арестован и расстрелян бывший кяхтиский комиссар А.Д.Хитрово. По воспоминаниям Д.П.Першина, за два дня до ареста Хитрово заходил к нему и рассказывал об ужасах семеновщины в Троицкосавске. Он порицал атаманину и считал ее причиной краха А.В.Колчака. А.Д.Хитрово принимал участие в решении троицкосавского городского самоуправления пригласить в город китайцев, чтобы прекратить произвол семеновцев. Д.П.Першин вспоминал, что несколько членов городского самоуправления были расстреляны большевиками за приглашение китайцев. [72] Не избежал этой участи и А.Д.Хитрово, но по приказу Р.Ф.Унгерна.

М.Г.Торновский вспоминал, что Р.Ф.Унгерн конфисковал в Урге большой кожевенный завод и поставил управлять им Гордеева (в прошлом крупного кожевника-заводчика на Волге). Вскоре Гордеева за маловажный

поступок повесили. [73] Что же это за «маловажный поступок»? М.Г.Торновский упоминал, что Гордеев украл 2500 долларов и какое-то количество сахара. К.И.Лаврентьев так же указывал, что Гордеев был расстрелян за кражу сахара со складов завода. [74] Командир сотни Азиатской конной дивизии получал в месяц 30 рублей, в сравнении с этим кража 2500 долларов была очень серьезным делом (мародеров Р.Ф.Унгерн вешал и за украденный отрез ткани).

С 1912 года в Монголии действовал кооператив Центросоюз, занимавшийся заготовкой мяса и кож. После революции руководство Центросоюза переориентировалось на контакты с советской Москвой. Служащие кооператива снабжали деньгами и продовольствием красных партизан, в то же время срывали поставки мяса белому фронту. Перед занятием Урги Р.Ф.Унгерн был настроен на поголовное истребление служащих Центросоюза как большевиков. Но перед штурмом к Унгерну перебежали двое забайкальских казаков, низовые сотрудники кооператива, и передали информацию обо всех служащих Центросоюза. Во время последнего боя за Ургу бывшие белогвардейцы из числа служащих кооператива присоединились к бойцам Унгерна и стали истреблять своих бывших коллег большевиков. [75] В дальнейшем Р.Ф.Унгерн продолжил репрессии против членов Центросоюза, заподозренных им в большевизме. Так был убит вместе с семьей ветеринарный врач В.Г.Гей. Описывавший его смерть М.Г.Торновский упоминал, что у Р.Ф.Унгерна были данные, что В.Г.Гей находится в постоянной связи со штабом 5-й советской армии в Иркутске. [76] Ф.Оссендовский в своей книге «Звери, люди и боги» писал о В.Г.Гейе: «Он вел дело на широкую ногу, а когда в 1917 году большевики захватили власть, стал сотрудничать с ними, быстро сменив убеждения. В марте 1918 года, когда армия Колчака прогнала большевиков из Сибири, ветеринара арестовали и судили. Его, впрочем, быстро освободили: ведь он был единственным человеком, способным осуществлять поставки из Монголии, и он действительно тут же передал Колчаку все находившееся у него в наличии мясо, а также серебро, полученное от советских комиссаров».

За воровство Р.Ф.Унгерн нередко расстреливал и своих собственных офицеров, даже заслуженных. М.Г.Торновский, видимо из воспоминаний А.С.Макеева, заимствовал рассказ о казни адъютанта барона и его жены Ружанских. Адъютант, получив по подложному документу 15000 рублей, бежал, надеясь захватить в госпитале свою жену санитарку, но они были пойманы и казнены. После этого должность адъютанта получил А.С.Макеев. [77]

Большинство мемуаристов, описывающих заключение унгерновской эпопеи, упоминало казнь полковника П.Н.Архипова. Он присоединился к Азиатской конной дивизии перед последним штурмом Урги, приведя с собой конную сотню в 90 казаков. М.Г.Торновский посвятил смерти П.Н.Архипова отдельный подраздел своего труда. В конце июня Р.Ф.Унгерн получил известия от Л.Сипайлова о том, что П.Н.Архипов утаил часть золота, захваченного во время взятия китайского банка (по разным сведениям 17-18 фунтов или три с половиной пуда). Полковник во всем сознался и был казнен (по разным сведениям расстрелян, повешен или удушен после пыток). [78]

Несмотря на то, что Р.Ф.Унгерн вынужден был прибегать к услугам палачей и доносчиков, это не значит, что он относился с уважением и любовью к этим людям. Барон терпел их до той поры, пока они были необходимы. Н.Н.Князев указывал, что в период отхода от Троицкосавска Р.Ф.Унгерн отдал письменный приказ генералу Б.П.Резухину повесить своего главного палача Л.Сипайлова, когда он прибудет в отряд. [79] Тогда же сурово наказан был главный врач дивизии А.Ф.Клингенберг. Расправа над ним запомнилась многим мемуаристам. М.Г.Торновский описывал эту расправу с врачом (4 июня 1921 года) так: Р.Ф.Унгерн, увидев плохо перевязанного раненного, подбежал к А.Ф.Клингенбергу и стал бить его сначала ташуром, а затем и ногами, в результате сломав ему ногу. После этого врач был эвакуирован в Ургу. [80] При внимательном рассмотрении биографии А.Ф.Клингенберга надо признать, что у барона мог быть и другой повод, кроме плохого ухода за больными, для наказания своего главного врача. Мемуарист Голубев так описывал деятельность А.Ф.Клингенберга: бежав от красных из Верхнеудинска, он стал работать врачом в Кяхте, где сошелся с местными евреями. Оказавшись мобилизованным в дивизию Р.Ф.Унгерна после взятия Урги, А.Ф.Клингенберг возглавил расправу над евреями. Во главе казаков он приходил на квартиры своих старых знакомых, изымал деньги и ценности, а затем расстреливал хозяев. Затем А.Ф.Клингенберг стал осведомителем и доносил барону о разговорах среди раненых в госпитале, «многим сократив жизнь». [81] За это он и был расстрелян по приказанию полковника Циркулинского уже после оставления белыми Урги.

Нет ясности с обстоятельствами смерти двух других медиков. М.Г.Торновский сообщал о казни зубного врача корейца Ли и медицинского фельдшера из Омска Энгельгардт-Езерского. [82] Причем, последний был сожжен так же, как прапорщик Чернов. М.Г.Торновский не знал причины этих казней. Вскользь о них упоминали А.С.Макеев (о Ли), Д.Д.Алешин и Н.М.Рибо (о Энгельгардт-Езерском). Если принимать на веру эти сообщения, то прослеживается какая-то необычная пристрастность барона к медицинским работникам. Г.М.Семенов

вспоминал, что в бытность свою в Хайларе Р.Ф.Унгерн отдал приказ расстрелять доктора Григорьева, ведшего пропаганду против барона. [83] Среди распоряжений Р.Ф.Унгерна по отдельной Азиатской конной бригаде сохранился приказ от 20 декабря 1919 года по поводу ареста врача бригады Ильинского. Барон приказывал арестовать медика на один день и две ночи за то же самое, за что он уже арестовывал его две недели назад: «Посмотрю, кому надоест раньше: мне ли сажать, ему ли сидеть», [84] – писал Р.Ф.Унгерн (заметим, что вопреки мнению, сложившемуся в исторической литературе о режиме на станции Даурия, речь в приказе идет лишь об аресте, физическое воздействие вообще не предусматривалось). Врачи отвечали барону нелюбовью, один из них — Н.М.Рибо — принял активное участие в заговоре против командира Азиатской конной дивизии. Очевидно, что Р.Ф.Унгерн был монархистом ультраправых убеждений. В его глазах большевиком был любой, не разделявший его взглядов на государственное устройство. Таким образом, в число таких «большевиков» попадала почти вся русская интеллигенция того времени. Близо же сталкиваться в ходе действий дивизии Р.Ф.Унгерну приходилось в основном с медиками. С ними, как с представителями «революционной интеллигенции», он бывал иногда, мягко говоря, не в меру суров.

Подозрительность Р.Ф.Унгерна к новым людям, попадавшим в дивизию, была вполне обоснована. На разных уровнях партийного руководства, в том числе и на самом высоком, в Москве, неоднократно издавались директивы о посылке агитаторов в отряды барона с целью их разложения. [85] В монографии, посвященной деятельности ВЧК-ГПУ, вышедшей в 70-х годах, утверждалось, что пленение Р.Ф.Унгерна было организовано полномочным представителем ГПУ Сибири И.П.Павлуновским. В отрядах барона действовали советские агенты, которые и организовали заговор в Азиатской конной дивизии. [86] Хотя такое заявление и представляется очень сомнительным, но подобную задачу чекисты перед собой определенно ставили.

Очень показательным примером является описание в мемуарах расправы Р.Ф.Унгерна над единственным конно-артиллеристом дивизии капитаном Оганезовым. В описании М.Г.Торновского Оганезов был отправлен пасти скот в наказание за то, что его батарея вела огонь с закрытой позиции. [87] Другую версию этого события приводит Н.Н.Князев. По его воспоминаниям, Оганезов был наказан за то, что обстрелял сопку, где в это время находился барон. [88] Мы уже никогда не узнаем, как происходили эти события. Прочие мемуаристы не упоминают о них. Но если совместить оба рассказа, то получится, что Оганезов обстрелял сопку, где находился Р.Ф.Унгерн после его запрещения стрелять с закрытых позиций. В таком случае наказание было вполне умеренным, так как барон мог заподозрить и злой умысел. М.Г.Торновский в заключение своих воспоминаний оговаривался, что в эмиграции Оганезов «сердечно вспоминал генерала Унгерна». [89] Возможно, и в этом случае барон оказался прав?

Самым крупным преступлением Р.Ф.Унгерна стал еврейский погром в Урге. М.Г.Торновский вспоминал (с чужих слов), что перед занятием Урги барон отдал приказ: «При занятии Урги всех коммунистов и евреев уничтожать на месте, имущество их забирать. Одну треть забранного сдавать в штаб, а две трети оставлять в свою пользу». Автор указывал, что из всех евреев Урги спаслись девочка, которую удочерила русская нянька, и девушка, ставшая наложницей Сипайлова, им же в последствии задушенная. [90] Н.Н.Князев останавливался на этом вопросе подробнее. Описывая взгляды барона, он отмечал уверенность Р.Ф.Унгерна в том, что «русская революция устроена евреями и лишь злая еврейская сила поддерживает и усугубляет революционный процесс в России. Он полагал, что установление порядка на нашей родине невозможно, пока существуют евреи». Автор отмечал, что в Урге были сделаны некоторые исключения. Была сохранена жизнь Вольфовича и присяжного поверенного Мариупольского, зубного врача и еще одного еврея, за которых просили «ургинские бароны» Фитингоф, Тизенгаузен и фон Витте. [91] А.С.Макеев передавал такие слова барона: «Я не делю людей по национальностям. Все – люди, но здесь я поступлю по-другому. Если еврей жестоко и трусливо, как подлая гиена, издевается над беззащитными русскими офицерами, их женами и детьми, я приказываю: при взятии Урги все евреи должны быть уничтожены – вырезаны. Это им заслуженная месть за то, что не скрутили рук своей гадине. Кровь за кровь!». [92]

Из воспоминаний А.С.Макеева следует, что кроме желания пополнить казну дивизии и стимулировать казаков в борьбе за Ургу, отдавая приказ истребить евреев, Р.Ф.Унгерн руководствовался так же чувством мести. Барон имел много информации обо всем, что происходит в осажденном городе. По тем же соображениям после взятия Урги был казнен богатый купец М.Л.Носков, доверенное лицо еврейской фирмы Бидермана. По свидетельству М.Г.Торновского, М.Л.Носков сильно притеснял монголов, а Д.П.Першин вспоминал, что купец негостеприимно отнесся к русским беженцам и отказал в деньгах посланцам Р.Ф.Унгерна. [93] Все это было отнесено бароном на счет всех евреев, проживавших в Урге.

По мнению очевидцев событий, после взятия бароном Урги там было убито от 100 до 200 человек, около 50-ти из них были евреи. Как-либо конкретизировать или хотя бы уточнить эти цифры пока возможным не представляется. В дальнейшем Р.Ф.Унгерн взял на вооружение популярный тогда в Сибири лозунг, и в его

приказе № 15 провозглашалось: «комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями». Следователи, допрашивавшие барона, делали заключение о том, что «революцию барон абсолютно не приемлет и считает причиной революции евреев и падение нравов, которым евреи воспользовались». [94] Он «не понимает в Совроссии народную власть и твердо убежден, что власть непременно перейдет к евреям». [95]

Азиатская конная дивизия не имела даже подобия военного суда. Р.Ф.Унгерн лично проводил следствие и выносил приговор. Чем же руководствовался барон в этом скором судопроизводстве? Р.Ф.Унгерн беспредельно доверял собственной интуиции. Сохранились воспоминания о том, как при первой встрече он спрашивал человека «ты социалист?», «ты еврей или поляк?». При этом барон заглядывал собеседнику в глаза. От произведенного впечатления зависела судьба допрашиваемого. Р.Ф.Унгерн имел целую сеть осведомителей. Они действовали в Китае, Монголии и в рядах самой Азиатской конной дивизии. Полученную информацию барон проверял при личном допросе. Доносчики и свидетели при этом не присутствовали и повторно не допрашивались. Точно так же Р.Ф.Унгерн действовал при отборе среди пленных красноармейцев евреев и комиссаров. Мемуаристы расходятся в оценках результатов этого отбора. Даже при очень высокой точности, этот метод барона неизбежно должен был давать сбои.

Известны случаи, когда Р.Ф.Унгерн отходил от своего правила личного допроса. Трагические события произошли в начале 1921 года в городе Улясутай. Там собралось множество офицеров, бежавших из советской России. В результате недолгой борьбы их возглавил полковник Михайлов, но вскоре прибыла новая группа офицеров во главе с полковником Полетиком, предъявившим свои права на лидерство. Он представил документы от «Центрального российского комитета по борьбе с большевиками». 10 апреля в Улясутай прибыл атаман Казанцев и, предъявив полномочия от барона, потребовал, чтобы Михайлов, Полетико и еще ряд лиц срочно отправились в Ургу. По дороге эту группу встретил другой посланец Р.Ф.Унгерна капитан Безродный. Он провел тщательный обыск и у большей части офицеров обнаружил драгоценности или компрометировавшие их бумаги. 11 человек из группы тут же были расстреляны. [96] Ф.Осендовский, ехавший с этой группой, утверждал, что Безродный вез с собой «кипу» смертных приговоров, подписанных бароном. [97]

Р.Ф.Унгерн не страшила смерть, он говорил, что лишь она одна может освободить русского офицера от борьбы с большевиками. Барон не боялся пехоты, на суде он заявлял, что смог бы уйти и от миллиона пехотинцев. Конечно, это была бравада. Нескольким тысячам разрозненных белых бойцов противостояли многотысячные красная и китайская армии, имевшие в своем составе артиллерию и кавалерию. Даже самый искусный кавалерист должен был отступить перед этой силой. Но наследник крестоносцев имел в своем распоряжении грозное оружие – страх. Сознательно культивируя миф о собственной жестокости и безумии, Р.Ф.Унгерн многократно преумножал силу Азиатской конной дивизии. Только страх китайцев перед «безумным бароном» позволил его бойцам овладеть Ургой с ее 15000 гарнизоном. Восставшие офицеры настолько боялись Р.Ф.Унгерна, что среди них не нашлось человека, способного лично убить барона. Увидев, что он возвращается в лагерь, полковник Евфаритский, войсковой старшина Марков и еще 8-9 офицеров бежали и уже больше не присоединились к отряду. [98]

По разным сведениям, 18-21 августа в Азиатской конной дивизии произошло восстание, возглавляемое старшими офицерами. В результате Б.П.Резухин был убит, а Р.Ф.Унгерн попал в плен к красным. С этого момента дивизия, распавшись на отдельные отряды, перестала существовать. Что же стало причиной гибели Азиатской конной дивизии? Ее офицеры считали, что это была легендарная жестокость барона. Современные исследователи объясняли ее военными неудачами, нежеланием офицеров уходить на Запад и т.д. Представляется, что одним из основных факторов, погубивших так удачно начатое в Монголии дело, стала уникальная скрытность Р.Ф.Унгерна. Офицеры, знавшие его в дореволюционный период, отмечали, что барон сторонился общества и предпочитал одиночество. Даже став во главе дивизии, он не изменил себе. При Р.Ф.Унгерне не было штаба, хотя начальники штаба дивизии назначались, но часто это были совершенно случайные люди. Барон не имел своего окружения и, видимо, вообще друзей (кроме, возможно, Б.П.Резухина). Даже адъютанты ничего не знали о его планах. Р.Ф.Унгерн не доверял своим старшим офицерам, не проводил их собраний и не привлекал к стратегическому планированию. Наконец, он не выступал перед личным составом дивизии. Его приказы видимо просто зачитывались в сотнях. Можно понять, что барону трудно было общаться с представителями шестнадцати языков, но пренебрежение своими русскими бойцами, в конце концов, стоило ему жизни.

Самый строгий из обвинителей Р.Ф.Унгерна М.Г.Торновский вменял в вину барону приказы о казни семи чинов Азиатской конной дивизии, к этому можно прибавить 40 офицеров, дезертировавших из Анненковского полка (большая часть из них была убита). Кроме того, по приказу Р.Ф.Унгерна были казнены 22 военных и

гражданских лица, не входивших в состав дивизии, плюс до 50 евреев, погибших во время погрома в Урге. Всего 119 человек. М.Г.Торновский, видимо сознательно, оставил в тени казни целых семей и расстрелы пленных. Удивляет, что во время следствия и суда над Р.Ф.Унгерном эти вопросы так же практически не рассматривались. Даже при самом приблизительном подсчете число жертв Азиатской конной дивизии с августа 1920 по август 1921 года не превышало 200 человек (число погибших китайцев не может быть установлено даже приблизительно). Сора́тники барона указывали на два случая, когда по его приказу были заживо сожжены люди. На следствии Р.Ф.Унгерн признал, что по его приказу было расстреляно три семьи вместе с женщинами и детьми. Самым серьезным преступлением барона является санкционирование еврейского погрома в Урге.

Сравнивать «зверства» Унгерна с деяниями большевиков бессмысленно. Очевидно, что В.И.Ленину и Л.Д.Троцкому в масштабах России удалось добиться гораздо большего, чем барону на станции Даурия и в пределах Монголии. К своим врагам большевики были безжалостны. Чего стоит только один институт заложников, которые брались по классовому признаку и расстреливались без всякой вины. Например, генералы П.К.Ранненкампф, Р.Д.Радко-Дмитриев и Н.В.Рузской были казнены с группой заложников в Кисловодске. Под непосредственным руководством Р.С.Залкинд (Землячки) и Бела Куна были расстреляны тысячи офицеров врангелевской армии, поверившие большевикам и решившие не покидать Родину. Среди крупнейших примеров казни большевиками женщин и детей является расстрел в Екатеринбурге царской семьи.

Коммунисты были столь же безжалостны и к своим соратникам. Для Л.Д.Троцкого расстрел каждого четвертого или десятого солдата в провинившемся полку был нормальным явлением. Расстреливались комиссары, командиры и военспецы. Можно вспомнить такие крупные имена, как Б.М.Думенко и Ф.К.Миронов. Яркое представление о пытках и казнях, практиковавшихся в красном лагере, дает сборник материалов Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Результаты экзотических пыток задокументированы в фотографиях. [99] Неудивительно, что большевики-следователи во время суда над Р.Ф.Унгерном очень интересовались вопросом, на раскаленную ли крышу сажал барон людей в виде наказания.

Даже если брать только забайкальский театр военных действий Гражданской войны, число жертв Р.Ф.Унгерна вовсе не выглядит каким-то необычным. 28 марта 1919 года при захвате партизанами села Курунзулай было расстреляно семь пленных казачьих офицеров и шесть казаков-добровольцев. В ходе последовавшего за этим красного террора в селе Маньково было расстреляно шесть человек, в Александровском заводе — двадцать человек мирных жителей. 14 июля 1919 года во время восстания в Первом казачьем полку атамана Семенова погибло тринадцать офицеров и двадцать казаков. 16 июля партизаны расстреляли еще тридцать восемь казаков. [100] Хотя решения о казнях и выносил революционный суд, но он ничем не отличался от единоличного суда барона, так как руководствовался не законами, а классовыми принципами.

Был опубликован протокол заседаний народного суда Сахалинской области по обвинению участников событий в Николаевске-на-Амуре. Летом 1920 года анархист Тряпицин, командовавший соединением партизан, занявших Николаевск, получил директиву военревштаба Я.Д.Янсона с указанием защитить город от наступающих японских войск любой ценой. Этой директивой Тряпицин воспользовался для массовой расправы с мирным населением, по его мнению, состоявшим из контрреволюционных элементов. Среди обвинений, зачитанных на суде, было следующее: «Достаточно вспомнить о наполнении трупами Амгуни, о горах трупов, которые вывозились на катерах в фарватер в Николаевске-на-Амуре, о полутора тысячах трупов, брошенных на льду Амура после японского выступления». [101] Тряпицыну предъявляли обвинения в сожжении города, истреблении мирного японского населения и половины жителей Сахалинской области. Он был приговорен к расстрелу.

Жестокость Р.Ф.Унгерна не была чем-то особенным и в белом стане. То, что делал он, было нормальным явлением для карательных операций на Восточном фронте. Но то, что нам известно о деятельности Л.Г.Корнилова, М.Г.Дроздовского, А.П.Кутепова, делает количество жертв «кровавого барона» просто смешным. Например, помощник и ближайший сотрудник М.Г.Дроздовского капитан Д.Б.Бологовский вспоминал, что во время похода Яссы – Дон была сформирована «команда разведчиков особого назначения». За время похода ими было расстреляно около 700 человек. Только в Ростове – 500 человек. Основной задачей «команды» была не борьба с красными, а уничтожение белых, которые вредят белому делу и способствуют наступлению советской власти. Позднее, под непосредственным руководством Д.Б.Бологовского был убит лидер кубанских самостийников Н.С.Рябовол (член Кубанской рады – одного из белых правительств). [102]

Надо принять во внимание те исключительные условия, в которых приходилось действовать Р.Ф.Унгерну.

Поражение белого движения на всех фронтах привело к полной деморализации белой армии. Казаки на Южном фронте и солдаты А.В.Колчака в равной степени массово бросали фронт и сдавались в плен. Чудовищные примеры деморализации известны, например, в частях атамана Б.В.Анненкова при отступлении в Китай (убивали и насиловали жен и дочерей своих же казачьих офицеров). Р.Ф.Унгерн смог не только сохранить от развала свои полки (где было 16 национальностей, и русские были в меньшинстве), но и заставить их доблестно сражаться и побеждать. Для этого были нужны экстренные меры. По свидетельству мемуаристов, к казни в виде сожжения на костре барон прибегал дважды — в период поражения под Ургой (прапорщик Чернов) и после провала первого похода в ДВР (медик Энгельгардт-Езерский). Каждый раз боеспособность дивизии, несмотря на поражение, была полностью восстановлена. В этом случае Р.Ф.Унгерн проявил себя как опытный психолог. Наказание он смог превратить в мощнейшее средство наглядной агитации и устрашения. При этом надо учитывать, что обычная казнь на азиатов произвела бы мало впечатления, да и на русских, принимая во внимание условия того времени. Отсюда сожжения на костре. Собственно, этим диапазон необычных казней и ограничивался.

Что же можно сказать в заключении? Р.Ф.Унгерн единственный из военачальников Гражданской войны, чьи жертвы известны практически поименно. Проанализировав доступные источники, не удалось обнаружить деяний Азиатской конной дивизии, о которых писали советские авторы. Ни в протоколах допросов и заседаний суда, ни в воспоминаниях современников мы не находим описаний убийств женщин, детей и мирных жителей (за исключением еврейского погрома и трех семей во время похода в Сибирь), ни чудовищных пыток, в которых принимал участия барон. Напротив, становится очевидно, что Р.Ф.Унгерн сделал все, чтобы сохранить боеспособность своей дивизии и привлечь к ней симпатии населения. Он сурово пресекал факты мародерства, безжалостно боролся с грабителями и ворами, прибегал к самым суровым средствам для поддержания дисциплины. Уничтожал же он тех, кого считал врагами. Авторы мемуаров свидетельствуют о том, что Р.Ф.Унгерн никогда лично не только не приводил в исполнение свои смертные приговоры, но даже не присутствовал на допросах с пристрастием. А.С.Макеев вспоминал, что когда в походе казаки привели барону козленка, тот отказался принимать подарок, заявив: «Болваны, разве беззащитных бить можно? Людей нужно бить, а не животных». [103] Есть свидетельства о том, что Р.Ф.Унгерн не носил с собой оружия даже и в боевой обстановке. С.Е.Хилтун приводил отзыв даурского есаула о бароне: «Дедушка зря не бьет, вспылит и ударит; вас не застрелит, он знает свой характер и поэтому никогда не носит револьвера...». [104] Тот же С.Е.Хилтун вспоминал, что во время своей первой встречи с бароном на улицах Урги, где еще шел бой, он увидел Р.Ф.Унгерна без оружия, только с ташуром и двумя гранатами. [105] Некоторые мемуаристы вспоминали, что когда при попытке барона ударить их ташуром они брались за оружие, его задор спадал. Удивляет, что никто из этих офицеров не рискнул оказать физическое сопротивление, ответить ударом на удар. Такова была сила личности барона, что люди решались противостоять ему только с оружием в руках. Убить его у офицеров решимости так и не хватило.

Ни материалы суда, ни воспоминания современников не дают материала, позволяющего сопоставить реальную фигуру Р.Ф.Унгерна с образом «кровавого барона», существующим в литературе. Попробуем проследить, как этот образ формировался. Во время операций Р.Ф.Унгерна в Монголии политические органы ДВР позаботились о пропаганде. В этих целях издавались специальные листовки, где говорилось о зверствах банд Унгерна. [106] Составлялись они как для красноармейцев и мирного населения, так и для бойцов самой Азиатской конной дивизии (башкир, татар). [107] Другим источником материалов для составления образа Р.Ф.Унгерна стала пресса. Газеты и газетчики 20-х годов мало отличались от современных. Главную роль в направлении публикаций играла конъюнктура страны пребывания печатного органа и политический заказ редактора, владельца или спонсора. Таким образом, например, пребывающий во Владивостоке орган Всесибирского краевого комитета партии Социалистов-революционеров газета «Воля» хотя и не хвалил деятельность Р.Ф.Унгерна, но ругать ее так же не решался, ведь семеновцы были рядом. На страницах «Воли» помещались отчеты о походе Р.Ф.Унгера в Монголию, боях в районе реки Акши, о штурмах Урги, и все это без комментариев. [108] Находящаяся в Париже газета «Последние новости», издававшаяся под редакцией П.Н.Милюкова, могла не стесняться в выражениях. Для ее издателей события на Дальнем Востоке не имели существенного значения, но все равно в ее номерах были опубликованы статьи, осуждавшие деятельность атамана Г.М.Семенова. Главным мотивом публикаций было то, что в Сибири зарождается антибольшевистское демократическое движение, которому мешает атаманщина. Например, известный критик Г.М.Семенова А.П.Будберг в статье указывал, что своей деятельностью атаман принес большевикам огромную пользу. [109] Деятельности Р.Ф.Унгерна газета вообще предпочитала не касаться, так как в это время из номера в номер печатались статьи об истории фальсификации «Протоколов Сионских мудрецов». Совершенно неуместно на этом фоне выглядело бы сообщение о еврейском погроме в Урге, учиненном по приказу белого генерала.

Совершенно в ином положении были советские газеты. Они обязаны были участвовать в идеологической

борьбе с еще не разбитым Г.М.Семеновым и его соратником Р.Ф.Унгерном, соответственно, «черным атаманом» и «кровавым бароном». Вот некоторые примеры этой газетной компании. Газета «Дальне-Восточная республика», в 1921 году из номера в номер публиковавшая очерки «Семеновщина», касалась и Р.Ф.Унгерна. 10 декабря 1920 года в газете была помещена статья «Бароновщина». В ней описывалось, как «барон-палач», действующий по директиве «черного атамана», отправился в рейд на Запад. Акция была прикрыта тем, что Г.М.Семенов объявил в печати об отчислении частей Р.Ф.Унгерна из состава вооруженных сил за самоуправство. [110] Уже в последующем номере была помещена статья «Ужасы атаманщины». В ней яркими красками описывались события конца 1918 года, когда по приказу Р.Ф.Унгерна в поселке Уцрухайтун казаки выпороли одного из крестьян, а его отца забрали в Даурию, откуда он уже не вернулся. Сам барон в статье именовался «палач и вампир». Чтобы усилить впечатление, журналист сообщал, что по слухам в Даурии не хоронили расстрелянных, оставляя их на съедение волкам. С основным материалом совершенно не вязался рассказ о том, как при отступлении белых один из офицеров Р.Ф.Унгерна прострелил в доме казенного самовар, «чтобы оставить память» его жене якобы в качестве мести. [111] Видимо, у нарождающейся советской журналистики еще не было достаточно опыта, писатели пока еще предпочитали находить факты, а не выдумывать их. Наконец, уже в начале 1921 года сообщалось о том, что «движение банды Унгерна на восток сопровождается присущими бароновским молодцам зверствами и террором над мирным населением». В качестве конкретных фактов приводилось ограбление поселка Антуанч и убийство 200 китайцев. [112]

Более радикально к разоблачению Р.Ф.Унгерна подходила газета «Дальне-Восточный телеграф». В августе 1921 года в ней на некоторое время была введена рубрика «Унгеровщина». Редакция газеты сообщала, что в ее распоряжении имеется множество писем, докладов, прокламаций, рисующих истинный характер Р.Ф.Унгерна и его похода в Монгоию. Чем же в действительности располагала редакция? В центре публикаций находились рассказы бывшего уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Монголии Макстенка. Он очень эмоционально описывал, как после взятия Р.Ф.Унгерном Урги ни одного дня не проходило без расстрела и было зарегистрировано до 400 убитых. Адъютант барона Бурдуковский вырезал целые семьи. «Заняв Ургу, Унгерн дал право своим солдатам в течение трех дней безнаказанно убивать всех евреев и «подозрительных» русских и производить конфискации их имущества», – сообщал Макстенок. Для большей драматизации этот «очевидец» сообщал, что в домах евреев вместе с женщинами и детьми вырезался и весь скот. Среди конкретных лиц, казненных по приказу барона, приводились имена купцов Носкова и Сулейманова [113] (из воспоминаний белогвардейцев известно, что Н.М.Сулейманов исполнял в дивизии обязанности интенданта и помощника муллы).

В создание образа «кровавого барона» большой вклад внесли газеты, издававшиеся в Китае. Очевидно, что русским журналистам в Китае, чтобы заслужить благоволение новых хозяев, было просто необходимо ругать Р.Ф.Унгерна. Другим поводом был антагонизм между атаманцами и колчаковцами, к числу которых чаще всего и принадлежала журналистская братия. Свой хлеб русские журналисты в Китае ели не зря. В нескольких номерах харбинской газеты «Россия» вышла статья «расправы Унгерна», ставшая впоследствии источником материала, как для советской исторической литературы, так и для воспоминаний соратников Р.Ф.Унгерна. В № 41 подробно описывались наказания, практикуемые в Азиатской конной дивизии. Одной из наиболее легких мер взыскания была пытка «отправка на крышу», где держали без пищи и питья до семи дней, писал журналист. В интерпретации газеты вступление Р.Ф.Унгерна в Ургу с лозунгом «Бей жида, спасай Россию!» было с восторгом встречено русскими монархистами. Они активно участвовали в погромах, грабежах и убийствах. Для достоверности в статье был приведен ряд подлинных фамилий. Например, Н.М.Сулейманов, «полевой интендант», был объявлен доносчиком, благодаря которому многие были казнены. Яркими красками был раскрашен сюжет о гибели адвоката-еврея Рябкина. Он бежал от отряда Сипайлова, получил десять пулевых ран, был пойман и казнен – отрезаны нос и уши, отрублены руки и ноги. Описываются случаи удушения еврейских женщин и детей. Приводятся конкретные имена свидетелей, единственных оставшихся в живых евреев Барабановских. [114]

Судя по советской прессе, от разоблачений Р.Ф.Унгерна не остались в стороне и иностранные газеты, издававшиеся в Китае. По сведениям из «Дальне-Восточного телеграфа», в сентябре 1921 года английская газета «Пекин-Тяньцзин-Таймс» поместила статью о пленении «сумасшедшего барона». В ней перечислялись «невероятные деяния» Р.Ф.Унгерна и «скорбелось о вреде, причиненном Унгерном и ему подобными антибольшевистскому делу». [115] В этом случае барон стал жертвой уже международных антагонизмов. Ведущие европейские страны и США не желали усиление Японии на Дальнем Востоке. Они всеми силами стремились пресечь вмешательство Японии во внутренние дела России. Проводник японского влияния атаман Г.М.Семенов, в связи с этим, подвергался травле в американской и европейской прессе. Участь своего главнокомандующего разделил и Р.Ф.Унгерн.

Материалы газетных публикаций, свидетельствующие о зверствах Азиатской конной дивизии в Монголии и Забайкалье, не подтверждаются документальными материалами. Несмотря на это, газетные статьи легли в основу некоторых мемуаров и исторических исследований. Все, что на сегодняшний день известно о бароне Р.Ф.Унгерне, не стыкуется с образом «кровавого барона», закрепившимся в литературе. Чрезвычайные обстоятельства заставляли прибегать к чрезвычайным, иногда очень жестоким, мерам. Стремясь к осуществлению своих идей, так же как и его противники В.И.Ленин и Л.Д.Троцкий, Р.Ф.Унгерн не считался с реальными людьми, он мечтал о создании нового идеального царства и обновлении человека. Гражданская война с ее суровыми реалиями создала обстановку, в которой храбрый офицер и мечтатель был вынужден исполнять роль палача. Но даже при этом, по словам Г.М.Семенова, «все странности барона всегда имели в основе своей глубокий психологический смысл и стремление к правде и справедливости». [116] Это высказывание атамана подтверждается материалами, приведенными выше. Штампы, складывавшиеся в исторической литературе десятилетиями, нельзя опровергнуть одной статьей или даже рядом монографий. Еще долго ужасы Гражданской войны на Дальнем Востоке будут ассоциироваться с именем барона Р.Ф.Унгерна, но время рано или поздно все расставит по своим местам.

[1] Кислов А.Н. Ликвидация Унгерна // Война и революция. 1931. Кн. 3. С. 30.

[2] Кислов А.Н. Ликвидация Унгерна. М. 1964. С. 86.

[3] Цибилов Б. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947.

[4] Кунгуров Г. Сороковиков И. Аратская революция. Иркутск, 1957. С. 161.

[5] Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М. 1980. Т. 2. С. 152-154.

[6] Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940). М. 1999. С. 9.

[7] Юзефович Л. Самодержец пустыни. М. 1993.

[8] Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920-1921 гг. М. 2003. С. 162.

[9] Кузьмин С.Л. Деятельность барона Р.Ф. фон Унгерна-Штернберга и его роль в истории// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 4-44.

[10] Допрос Унгерна в Троицкосавске 29 августа 1921 года// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 205.

[11] Семенов Г.М. О себе. М. 1999. С. 65.

[12] Письмо Р.Ф.Унгерна Г.М.Семенову// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 69.

[13] Письмо Р.Ф.Унгерна П.П.Малиновскому// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 70.

[14] Семенов Г.М. О себе. М. 1999. С. 112-113.

[15] Юзефович Л. Самодержец пустыни. М. 1993. С. 55-57.

[16] Приказ Р.Ф.Унгерна об изучении монгольского языка// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 72.

[17] Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. Чита, 2000. С. 55.

[18] Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920-1921 гг. М. 2003. С. 35.

[19] Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920-1921 гг. М. 2003. С. 32-34.

[20] Кузьмин С.Л. Предисловие// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 16.

[21] Кузьмин С.Л. Предисловие// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 17.

[22] Семенов Г.М. О себе. М. 1999. С. 212-215.

[23] Письмо Р.Ф.Унгерна Югоцзур-хутухты// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 123-125.

[24] Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб. 1996. С. 12.

[25] Сибирская Вандея / Ред. А.Н.Яковлев. М. 2000. Т. 1. С. 327; Т. 2. С. 338.

[26] Там же. С. 187, 196, 316-317,

[27] Приказ № 15// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 171.

[28] Кузьмин С.Л. Предисловие/ Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 25.

[29] Просьба И.Н.Смирнова об организационных изменениях в системе внешней торговли на востоке// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 218.

[30] Ходатайство представителя Реввоенсовета 5 армии// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 205.

[31] Разговор по прямому проводу ответственных работников Министерства продовольствия и торговли ДВР// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 223.

[32] Обращение Главкома ДВР Г.Х.Эйхе к И.Н.Смирнову// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 214-215.

[33] Информация И.Н.Смирнова В.И.Ленину// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 216.

[34] Предложение И.Н.Смирнова Э.М.Склянскому// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 231.

[35] Сообщение И.Н.Смирнова В.И.Ленину и Л.Д.Троцкому// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 231-233.

[36] Телеграмма Г.Х.Эйхе Л.Д.Троцкому// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 235-237.

[37] Телеграмма В.И.Ленину об опасности успехов Р.Ф.Унгерна в Монголии// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 82.

[38] Сообщение И.Н.Смирнова в ЦК РКП (б) // Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 251.

[39] Речь защитника Боголюбова// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 260.

[40] Заключение по делу бывшего начальника Азиатской конной дивизии генерал-лейтенанта Р.Ф.Унгерна фон Штернберга// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 243.

[41] Допрос Р.Ф.Унгерна 7 сентября 1921 года// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 233-234.

[42] Допрос Унгерна// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 247.

[43] Выходчиков Л.В. Николай I. М. 2003. С. 604.

[44] Допрос Унгерна// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 245.

[45] Допрос Унгерна// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 246.

[46] Допрос Унгерна// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 247.

[47] Допрос Унгерна 27 августа 1921 г.// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 205.

- [48] Допрос Унгерна 1 и 2 сентября 1921 г.// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 212.
- [49] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 259-260.
- [50] Допрос Унгерна 27 августа 1921 г.// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 202.
- [51] Допрос Унгерна 27 августа 1921 г.// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 202.
- [52] Допрос Унгерна// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 215.
- [53] Заключение В.И.Ленина; Решение Политбюро ЦК РКП (б) о суде над Р.Ф.Унгерном// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 198.
- [54] Кровавый пир Семеновщины// Дальне-Восточная республика. № 37, 38.
- [55] Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 7.
- [56] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 223-224.
- [57] Голубев Воспоминания// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 529-531.
- [58] Князев Н.Н. Легендарный барон// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 339.
- [59] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004.С. 239-240.
- [60] Письмо Р.Ф.Унгерну о грабежах// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 89.
- [61] Письмо Р.Ф.Унгерна Чжан Куню// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 102.
- [62] Допрос Унгерна// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 247.
- [63] Речь обвинителя Ярославского// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 252-253.
- [64] Сокольников В.Ю. Воспоминания// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 309.
- [65] Лаврентьев К.И. Взятие г.Урги бароном Унгерном// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. С. 316.
- [66] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004.С. 185, 189, 222, 237.
- [67] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 238.
- [68] Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней Монголии в первой трети XX века// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 379.
- [69] Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней Монголии в первой трети XX века// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 381.
- [70] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 223.

- [71] Макеев А.С. Бог войны – барон Унгерн// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 445.
- [72] Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней Монголии в первой трети XX века// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 387-388.
- [73] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 230.
- [74] Лаврентьев К.И. Взятие г.Урги бароном Унгерном// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 325.
- [75] Лаврентьев К.И. Взятие г.Урги бароном Унгерном// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 319-321.
- [76] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 244.
- [77] Макеев А.С. Бог войны – барон Унгерн// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 438.
- [78] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 265.
- [79] Князев Н.Н. Легендарный барон// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 117.
- [80] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 259.
- [81] Голубев Воспоминания// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 535-537.
- [82] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 238, 267.
- [83] Семенов Г.М. О себе. М. 1999. С. 119.
- [84] Наложение Р.Ф.Унгерном взыскания на врача Ильинского// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 72.
- [85] Выписка из протокола заседания ЦК РКП (б) о мерах по разложению войск барона Унгерна в Монголии; Требование Б.З.Шумяцкого к Сиббюро об организации работы по агитации среди башкир, татар и казахов в белогвардейских частях Унгерна// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 221, 226.
- [86] Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М. 1980. Т. 2. С. 153.
- [87] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 285.
- [88] Князев Н.Н. Легендарный барон// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 147.
- [89] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 322.
- [90] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 222.
- [91] Князев Н.Н. Легендарный барон// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 64.
- [92] Макеев А.С. Бог войны – барон Унгерн// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М.

[93] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 238; Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней Монголии в первой трети XX века// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 397.

[94] Допрос Р.Ф.Унгерна на суде// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 249.

[95] Допросы Р.Ф.Унгерна 1 и 2 сентября 1921 года// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 218.

[96] Торновский М.Г. События в Монголии-Халке в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 234-235.

[97] Осендовский Ф. Звери, люди и боги. Рига, 1925. С. 223.

[98] Князев Н.Н. Легендарный барон// Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 162.

[99] Красный террор в годы Гражданской войны. Лондон 1992.

[100] Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. Чита, 2000. С. 137, 139.

[101] Из протокола заседания народного суда Сахалинской области по обвинению участников событий в Николаевске-на-Амуре// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 101.

[102] Абинякин Р.М. Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства// Гражданская война в России события, мнения, оценки. М. 2002. С. 419.

[103] Макеев А.С. Бог войны – барон Унгерн// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 459.

[104] Хилтун С.Е. Дворянские поросята// Барон Унгерн в документах и мемуарах / Ред. С.Л.Кузьмин. М. 2004. С. 593.

[105] Там же. С. 589.

[106] Якимов А.Т. Политработа в народно-революционной армии// Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922). М. 1973. С. 311.

[107] Выписка из протокола заседания ЦК РКП (б) о мерах по разложению войск барона Унгерна в Монголии// Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 221.

[108] Воля. №. 152, 158, 171.

[109] Будберг А.П. Атаман Семенов// Голос России. Париж. № 327. С. 2.

[110] Бароновщиян// Дальне-Восточная республика. Верхнеудинск. № 171. С. 2.

[111] Ужасы атамановщины// Дальне-Восточная республика. Верхнеудинск. № 179. С. 2.

[112] В Монголии// Дальне-Восточная республика. Верхнеудинск. № 194. С. 2.

[113] Унгерновщина// Дальне-Восточный телеграф. Чита. 1921. № 20. С. 2.

[114] Расправы Унгерна// Россия. Харбин. 1921. № 41. С. 4.

[115] Суд над Унгерном// Дальне-Восточный телеграф. Чита. 1921. № 41. С. 3.

[116] Семенов Г.М. О себе. М. 1999. С. 119.

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)